

Хэ Цинчэн не стал бы, подобно Хэ Шэньюаню, говорить ему, мол, это всего лишь какие-то часы. Он выразил бы всё напрямую, например, едко и язвительно высмеяв Хэ Шу за то, что тот делает из мухи слона.

В такой ситуации решение вернуться не привело бы ни к каким последствиям, но Шэнь Синлань сегодня был обязан покинуть территорию кампуса, иначе этот спектакль просто не удался бы.

Шэнь Синлань помедлил ровно секунду, затем медленно шагнул вперед, опустил уголки губ и произнес едва слышным шепотом:

— Братец, мои часы сломались, мне немного грустно, я просто хочу выйти и проветриться.

Между ними пролетел ветерок, заставив зеленую листву зашуршать и сделать это уединенное дорожку еще более тихой.

Все творческие натуры обладают яркой индивидуальностью, и лицо Хэ Шу отличалось некоторой дерзостью. Когда он не улыбался, его черты казались холодными, словно зарытый в снег нефрит. Но в этот момент его лицо оставалось прежним, а из-за трепетания длинных ресниц у любого невольно возникало желание защитить его.

Тан Хуэй был падок на смазливый мордашки, его сердце наполовину растаяло, и он не удержался от вопроса:

— Часы сломались? Какие еще часы?

Шэнь Синлань пристально, не мигая, посмотрел на Хэ Цинчэна:

— Мой брат знает.

Хэ Цинчэн, казалось, был из стали, закаленной в огне. Прижав к груди книги, он остался непреклонен:

— Нельзя.

Мягко, но твердо, не оставляя ни малейшего шанса на обсуждение.

Можно было с легкостью представить, каким будет его отношение к Хэ Шу, когда он вернется, утешив заплаканного Хэ Юя.

Тан Хуэй скосил глаза на Хэ Цинчэна, испытывая странное чувство: старый друг словно сильно

изменился в характере. Раньше он никогда не был столь категоричен со своим драгоценным младшим братом, а сейчас от него исходила властная аура человека, чье слово — закон, отчего Тан Хуэю стало немного не по себе.

Поэтому он замолк и не смел издать ни звука.

Шэнь Синлань уже давно не встречал людей, на которых не действовали никакие уловки, и полушутя произнес:

— Ну надо же, какой принципиальный, братец.

Боковым зрачком Хэ Цинчэн улавливал малейшие изменения в мимике собеседника, и, разумеется, его слух не ускользнуло то, как Хэ Шу старался приподнять голос в конце фразы, хотя тот всё равно звучал удрученно.

Сохраняя полное спокойствие, он мягко произнес:

— Тебе пора возвращаться на...

Начав фразу, он внезапно осекся, заметив серебристый гвоздик в ухе Хэ Шу — крошечную серьгу в минималистичном стиле, изображавшую цветок мяты.

Хэ Цинчэн на мгновение замер, что случалось крайне редко.

План дал трещину, и Шэнь Синлань решил отступить, чтобы продвинуться дальше:

— Хорошо.

Он уже собирался повернуться, как Хэ Цинчэн вдруг неожиданно произнес:

— Ладно, только не забудь вернуться вовремя.

Шэнь Синлань обернулся, опешил и легко моргнул.

Для Хэ Шу перелезть через забор и прогуливать уроки было привычным делом. Он быстро отыскал в памяти знакомую стену, через которую они часто выбирались, в два счета вскарабкался на дерево, перемахнул за ограду и приземлился с легкостью ласточки — весь процесс занял меньше трех минут.

Система 96 всё еще пребывала в полном ступоре:

— Мы что, действительно отменяем дальнейший конфликт?

Девяносто девять процентов людей, столкнувшись с этим сюжетным поворотом, предпочли бы устроить скандал с Хэ Юем, а затем в ходе ссоры элегантно нанести ответный удар с помощью излюбленных методов зеленых чаев.

Для нашего мира заданий критериями успешности служат три вещи: степень разрушения оригинального сюжета, уровень удовлетворенности зрителей и соответствие заданному образу. Выбранный способ решения проблемы вполне тянет на уровень характера А.

Шэнь Синлань же пошел наперекор и просто забросил эту сюжетную ветку. Разве он не боится, что зрители останутся недовольны, а рейтинг характера резко упадет?

Подросток отряхнул руки от пыли и, шагая навстречу солнцу по направлению к автобусной остановке, беззаботно ответил:

— Зеленый чай должен вести себя как зеленый чай, а лобовое столкновение — это самый примитивный метод.

— А какой метод тогда продвинутый?

Взгляд Шэнь Синлани устремился далеко вперед. На дороге бесконечным потоком неслись машины, вокруг царила оживленная суета, а мимо со свистом пролетал сильный ветер.

Тем временем на аллее Тан Хуэй хлопнул себя по лбу:

— Ой, нас же завуч просил отнести материалы! Прошло уже минут двадцать, точно влетит.

Он прибавил шагу, переходя на бег, в то время как плевшийся позади Хэ Цинчэн по-прежнему шел неторопливо:

— Скажи, что меня задержали по делу.

Получив прикрытие в лице товарища, Тан Хуэй с чистой совестью расслабился и превратился в полного лентяя.

Они отнесли документы в кабинет завуча, и, как и ожидалось, лицо того было мрачным донельзя — хоть с лица воду пей.

Однако, заметив своего любимого ученика Хэ Цинчэна, завуч сдержал гнев и после долгих усилий выдавил из себя лишь:

— Чтобы это было в последний раз.

Стоило им выйти из кабинета, как рядом раздался робкий голос:

— Братец.

Хэ Цинчэн повернулся, и его взору предстало заплаканное лицо. Одетый в сине-белую школьную форму с короткими рукавами подросток съёжился в комок, его нос покраснел, и он жалобно посмотрел на него:

— Я случайно сломал часы брата Хэ Шу. Я только что звонил домой, мне сказали, что он носил их не снимая и что такие часы стоят сотни тысяч.

— Что же мне делать, братец?

Только что успокоившиеся эмоции вновь всколыхнулись, и в конце фразы Хэ Юй уже не смог сдержать слез.

Тан Хуэй обладал прекрасной сообразительностью и тут же произнес:

— У меня еще есть дела, я пойду, вы тут поболтайте.

С этими словами он улизнул быстрее, чем успел бы моргнуть глазом.

На террасе остались только они двое. Хэ Цинчэн сделал два шага к подростку, прижавшемуся к потрепанному углу стены, и бесстрастно произнес:

— И что ты предлагаешь?

Хэ Юй закусил губу, его увлажненные слезами глаза казались особенно влажными. Он вытащил из кармана ком мятых купюр.

Большинство денег были достоинством в пять и десять юаней, самая крупная купюра составляла всего двадцать, а еще там было множество мелких монет.

В глазах Хэ Цинчэна это, наверное, ничем не отличалось от пачки макулатуры, но для бедного ребенка Хэ Юя, который лишь недавно вернулся в семью, это были все сбережения за последний год.

Хэ Юй закусил губу, его лицо было смертельно бледным:

— Это... это всё, что я смог собрать. Я знаю, что не смогу возместить ущерб, но я готов сделать всё возможное, чтобы искупить вину.

— Брат Хэ Шу и так меня недолюбливал, а теперь он наверняка возненавидит меня еще сильнее. От одной мысли об этом мне становится очень больно.

Хэ Цинчэн молча слушал. Он походил на изящную статую, не знающую ни скорби, ни радости, или на порыв ветра — неуловимый и невидимый. На солнце он излучал тепло, но это было лишь временно.

— Он очень добрый человек, — попытался утешить его Хэ Цинчэн. — Возможно, он не станет к тебе придирается.

Из-за долгого плача тело Хэ Юя онемело и дрожало. Бережно держа в ладонях все свои деньги, он украдкой следил за реакцией Хэ Цинчэна и подливал масла в огонь:

— Я... я совершил непростительное преступление, сделал такую ужасную ошибку, как я смею надеяться, что брат Хэ Шу не станет меня упрекать? Я ведь всего лишь вернулся из старого дома, меня ведь не отправят обратно?

<http://bllate.org/book/26521/3174723>